

«Москва Коммунистическая»
1976, IXII

СЧАСТЬЕ ИГРАТЬ В ТАКОЙ ПЬЕСЕ

Вчера в Малом театре состоялся юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения К. А. Тренева. Его организаторы — Союз писателей СССР и Министерство культуры СССР. Зрители увидели отрывки из пьесы «Любовь Яровая». Для Малого театра — этот праздник особенный: 22 декабря 1926 года здесь состоялась премьера «Любови Яровой». Спектакль имел исключительный успех.

Рассказывает Герой Социалистического Труда народная артистка СССР Елена Николаевна Гоголева.

— Елена Николаевна, в свое время некоторые театральные критики утверждали: «Спектакль получился, но традиции Малого театра здесь оборвались, растоптаны, мертвы, их пора сложить в музей».

— Тогда в сущности на глазах складывался и развивался в практической деятельности советского театра новый творческий метод.

Спектаклем «Любовь Яровая» Малый театр нанес сокрушительный удар всем своим тогдашним хулителям, врагам социалистического театрального искусства.

В процессе работы над «Яровой» перед театром встала интереснейшая и ответственнейшая задача: уловить музыку, ритм революции, ее порывистый, стремительный, бурный поток. Воплотить целую галерею художественных образов. Эта задача объединила весь коллектив. Работали с невиданным подъемом.

Малому театру приходилось в борьбе отстаивать великие традиции М. С. Щепкина. И именно благодаря этим традициям и тому, что Малый театр подошел к осуществлению своих новых задач мировоззренчески обновленным, удалось создать этот спектакль.

Я и не мечтала получить роль в «Любови Яровой».

Но вдруг получаю вызов и роль — да какую! Роль Пановой, почти равноценную роли главной героини пьесы!

— Как Вы работали над образом или, говоря словами Щепкина, «влезали в кожу» своей героини!

— Надо сказать, что первый вариант пьесы, представленный К. А. Треневым Малому театру, был несколько иным.

В первом варианте любимый человек Пановой студент Дремин никак не мог поверить в идеи большевиков, но он окончательно разочаровался в разложившейся белой армии. В результате — самоубийство.

И вдруг на одной из репетиций мне сказали, что роль этого студента Дремина автором изъята из пьесы. У меня как будто пол ушел из-под ног. Лишившись партнера, растерялась, не зная и не понимая, как же мне теперь жить на сцене. Я надулась, обозлилась, и... замкнулась. Дело подходило к премьере, а роль у меня не клеилась.

Итак, зерно роли не было найдено. И вот, проплавав несколько ночей подряд, я серьезно задумалась над моей Пановой. Да кто же она, что ею руководит, каковы ее мысли, чувства? Я задумалась над биографией этой женщины, стала фантазировать: каково ее детство, воспитание, общество, в котором она жила?

Панова — жена архитектора, она красива, элегантна, умна. Но, в сущности, исковерканная, с опустошенной душой. Панова видит и чувствует что-то верное, правдивое у этих чуждых ей большевиков, вместе с тем видит и понимает всю мерзость и развал белой армии. Но слишком глубоки корни воспитания, прошлой блестящей и праздной жизни, личных потерь в той, родной ей среде, — в результате она, не веря в свое будущее, безвольная, уходит в эмиграцию, сознавая, что это гибель.

Поразмыслив хорошенько, поняла я, насколько интереснее и многограннее стал образ Пановой без мелкой, узколичной борьбы за Дремину.

Работая над этим образом,

я обрела тот метод работы над ролью, которым пользуюсь и по сей день. Подошла к тому, о чем говорил К. С. Станиславский, чему учил М. С. Щепкин.

Константин Андреевич Тренев поначалу мной был очень недоволен. Вероятно, он думал обо мне: ну что с нее взять — молоденькая, ничего она не сумеет сделать... Я же не осмеливалась обращаться к нему с просьбами.

Да, надо сказать, что сам драматург сначала произвел на меня далеко не благоприятное впечатление: он мне казался вечно хмурым и всем недовольным.

Отлично помню его: стоит на авансцене и убеждает Варвару Николаевну Рыжову, что намеченный ею образ крестьянки Марьи неправилен, что он не согласен с трактовкой актрисы. Надо было видеть, как Варвара Николаевна со свойственным ей необыкновенным темпераментом налетала на хмурившегося Тренева и говорила: «Вы ничего не понимаете! Я лучше вас знаю, как ая это Марья, как ее надо играть! А вы написали неизвестно что и молчите!..».

В результате Константин Андреевич потерял терпение, безнадежно махнул рукой и ушел со сцены. Но зато я видела, как на премьере низко склонился Константин Андреевич перед Марьей—Рыжовой и со слезами, смущенно и растроганно благодарил за созданный ею и отвоеванный образ. А Варвара Николаевна обхватила голову склонившись к ее руке Константина Андреевича, и, смеясь и плача, говорила ему: «Какую роль-то блестящую написали! Спасибо, вам, спасибо! Да вы сами не знаете, какая правдивая это роль! Родной вы мой! Просто счастье играть такую роль!».

— А как все-таки в итоге принял ваше исполнение Тренев!

— Дома у меня есть уголок, где собраны дорогие для меня подарки к разным юбилейным датам — и от моих подшефных воинов, и от рабочих заводов и фабрик страны, и от милых друзей. За 57 лет работы на сцене их собралось немало. И часто-часто мой взгляд останавливается на двух вазочках — их подарил мне К. А. Тренев спустя некоторое время после премьеры.

Константин Андреевич принял мое исполнение и благодарил за работу в его пьесе.

Кстати, на премьере был забавный эпизод. Потом мне рассказывали, что один из зрителей — военный — схватился за кобуру и хотел в меня просто стрелять... Товарищ, сидящий рядом, вовремя остановил его, но военный горячо зашептал: «Да это же стерва, она у меня в штабе была да улизула к белым! Я помню, это она, она!..».

Так что вот такая высшая похвала актрисе.

— Сколько раз вам довелось сыграть в этом спектакле!

— Много, очень много. «Любовь Яровая» стала любимой постановкой москвичей; ее принимали восторженно.

Спектакль не сходил со сцены Малого театра 12 лет, всегда собирая переполненный зал. Спектакль воспринимался зрителями именно так, как нам того хотелось.

Панова стала этапной ролью в моей жизни.

Интервью вел
С. ИВАНОВ.

ПОКАЗЫВАЮТ ДРУЗЬЯ

Неделя болгарских фильмов началась 8 декабря в Столичном кинотеатре «Москва». Здесь была показана лента режиссера Людмила Стайкова «Дополнение к закону об охране государства». Она рассказывает о борьбе болгарских коммунистов с силами реакции после разгрома антифашистского восстания 1923 года. Исторические события положены также в основу картин «Последний бой»

и «Сноха». Важных нравственных проблем касаются авторы фильмов «Вина», «Хоровод русалок» и «Циклоп».

— Наша кинематография развивается в тесном сотрудничестве с советскими мастерами экрана. — сказал корреспонденту ТАСС известный болгарский режиссер Зако Хеския, прибывший для участия в Неделе. — В последнее время создано несколько совместных фильмов. Кинематографисты двух стран собираются создать художественные картины на современную тему, в том числе о строителях, прокладывающих газопровод из Советского Союза в Болгарию.